

— Что?

Увидев, как Чжэцзы весь напрягся, словно собираясь встать, Лю Яоцин поспешно прижал его к месту и спросил у старушки.

К этому моменту прилавок был почти убран, старик тушил огонь, а старушка сидела рядом и неспешно беседовала.

Лю Яоцин зачерпнул ложкой вонтон и попробовал. Нельзя не признать, что в уездном городе готовят действительно лучше, чем в городке. В супе были даже мелко нарезанные зелёный лук, придававшие ему солоновато-пряный аромат.

— В нашем уезде красивые парни либо отправляются в деревни, чтобы скрыться, либо быстро находят себе пару. Эх, всё это — сплошное несчастье...

Закончив есть вонтоны, старушка завершила свой рассказ. Лю Яоцин и Чжэцзы повернулись и ушли, хотя старушка предложила им переночевать у неё дома. Однако Лю Яоцин предпочитал не доверять незнакомцам и поблагодарил за предложение.

— Завтра продолжим расспрашивать, — тихо сказал Лю Яоцин.

— Ладно, — Чжэцзы согласился, не задумываясь.

На протяжении всего пути он не позволял Лю Яоцину тратить свои серебряные украшения, всё оплачивая сам медными монетами. Лю Яоцин не отказывался, и это приносило Чжэцзы радость. Теперь, когда они приехали, чтобы узнать нужную информацию, он уже почти всё обдумал.

Хотя он ничего не сказал вслух, внутри Чжэцзы почувствовал облегчение.

Они не стали останавливаться в гостинице, а, покружив по городу, нашли жителей, которые согласились их приютить. Хотя это могло быть рискованно, Лю Яоцин доверял боевым навыкам Чжэцзы. К тому же они не ели и не пили у хозяев, а ночью сохраняли бдительность, что делало их ночёвку не хуже, чем в гостинице.

Главным образом, Лю Яоцин решил, что гостиница ненадёжна, после того как услышал рассказ старушки. Владельцы гостиниц в городе, конечно, близки к местным чиновникам. Если кто-то увидит его лицо и запомнит, что тогда?

Они спали, не раздеваясь, и сон их был неглубоким. Едва рассвело, они оставили несколько монет и покинули дом.

На улице Лю Яоцин шёл, опустив голову. Чжэцзы купил булочки, и они поели. Затем они нашли несколько нищих, сидевших у стены, и стали их расспрашивать. Не стоит недооценивать нищих — они знают больше, чем кто-либо другой. У каждого своя дорога, и нищие тоже имеют свои способы выживания. За булочку можно узнать почти всё, что нужно.

Нищие рассказали то же самое, что и старушка с лапшевого прилавка, и Лю Яоцин поверил. Они вышли из города и, возвращаясь в городок, стали ждать, чтобы сесть на попутную повозку.

— Чжэцзы, как думаешь, стоит ли мне взять с собой кого-то, чтобы дядя и его семья оставили свои замыслы? — Лю Яоцин задумался. Он понимал, что если просто вернётся и расскажет, Лю Цюаньцзинь ему не поверит. Ведь он, скорее всего, доверяет своему брату больше, чем

собственному сыну.

— Если хочешь, возьми, — Чжэцзы подумал и ответил, — Других нам вряд ли удастся уговорить, так что лучше взять нищего. Думаю, двух булочек хватит.

— Хорошо, — Лю Яоцин тоже посчитал это разумным.

Нищих в городе было немало, но они жили по принципу «выживает сильнейший». Среди них были и маленькие, которые часто оставались без еды. Им было лет пять-шесть, и таких было несколько.

Вернувшись в город, они взяли две булочки, и Лю Яоцин отдельно поговорил с маленькими нищими. Один из них, самый худенький и маленький, с большими глазами, сам вызвался пойти с ними.

Сев в повозку, маленький нищий пошёл следом. Это был торговый караван, и многие шли вместе с ним, так как в толпе было безопаснее. Если идти в одиночку и ночью попасть в безлюдное место, можно столкнуться с грабителями, что было бы опасно.

Лю Яоцин несколько раз оглядывался, чтобы убедиться, что маленький нищий поспевает, и дал ему ещё одну булочку, чем тот был очень рад.

Поздно ночью они добрались до городка, взяли воловью повозку и вернулись в деревню. Уже светало. Лю Яоцин оставил маленького нищего в доме Чжэцзы, а сам пошёл стучать в дверь.

Едва он постучал дважды, дверь открылась. Ли-ши радостно воскликнула:

— Цин-гэр вернулся! Тебе не холодно? Не голоден? Я подогрела кашу...

С тех пор как Лю Яоцин ушёл, Ли-ши не находила себе места, постоянно выглядывая за дверь, а ночью даже ходила к деревенским воротам. Не видя его возвращения, она сильно переживала.

— Как раз думал о твоей горячей каше, — улыбнулся Лю Яоцин, тихо войдя в дом.

Ли-ши принесла горячую кашу. Она плохо спала последние дни, но теперь, глядя на Лю Яоцина, который ел кашу, она была счастлива.

Эр Ха и Хэйбэй проснулись, повизгивая и трусь о ноги Лю Яоцина. Погладив их по головам, он допил кашу и почувствовал, как усталость исчезла. Затем спросил:

— Мама, что ещё говорил дядя?

— Всё то же самое... — вздохнула Ли-ши.

— Это важно, мама, не скрывай от меня, говори всё, как есть.

Взглянув на её лицо, Лю Яоцин серьёзно нахмурился и рассказал всё, что узнал.

Выслушав его, Ли-ши тоже почувствовала тревогу и, не скрывая, рассказала обо всём, что произошло за эти дни.

Когда Лю Яоцин ушёл до рассвета, Лю Цюаньфу обнаружил это только утром за завтраком. Он сразу же собрал всех в главной комнате и, стоя перед стариком Лю, сказал:

— Цин-гэр становится всё более самостоятельным. Я вижу, что в этот раз он смог сбежать сам, а в следующий раз сбежит с женщиной! Нет, ведь в этот раз он и сбежал с женщиной!

Бедная Ли-ши, не умея хорошо говорить, несколько раз пыталась объяснить, но Лю Цюаньфу ловко её перебивал.

— Это безобразие, — старик Лю курил трубку, и лицо его было мрачным.

В такое важное время, когда нужно было устраивать свадьбу, Лю Яоцин действительно сбежал. Если об этом узнают, свадьба точно не состоится.

Думая об этом, старик Лю приказал:

— Никому не говорить, что Цин-гэр ушёл из дома.

— Когда Цин-гэр вернётся, нельзя будет отпускать его из дома, — не унимался Лю Цюаньфу. — Я говорил с третьим братом, чтобы он поговорил с Цин-гэром, а он не послушал. Слова отца больше не слушает, этот Цин-гэр совсем испортился. Когда он вернётся, третий брат, ты передашь его мне... Если свадьба состоится, сколько будет впереди хороших дней. А Цин-гэр, вместо того чтобы стать женой сына чиновника, сам сбежал...

Тогда Лю Цюаньцинзнь разозлился и хотел ударить Ли-ши, но старик Лю уговорил его.

Однако, вернувшись в комнату, Лю Цюаньцинзнь всё равно выплеснул свой гнев. Он молчал, только вздыхал, словно небо рухнуло, и он изо всех сил пытался его удержать.

В ту ночь Ли-ши спала у Син-гэ. Она не спала всю ночь, и теперь, когда Цин-гэр вернулся, она почувствовала отчаяние.

— Мама, ничего страшного, — успокоил её Лю Яоцин. — Дядя говорит, что я убежал с женщиной, но разве это правда? Дядя ещё говорит, что моя свадьба будет удачной. Его словам я не верю, а вот дедушка и бабушка верят.

На рассвете, когда все встали, Лю Яоцин сам пошёл в главную комнату.

Увидев, как Лю Яоцин идёт туда, Лю Цюаньфу, подтягивая штаны, выбежал и закричал:

— Третий брат, что ты копаешься? Цин-гэр вернулся, помоги мне его связать, чтобы он снова не убежал!

Он всегда был ленивым, и тело его было дряблым, поэтому он не догнал Лю Яоцина. Однако Лю Цюаньцинзнь тоже встал и, увидев, как Лю Яоцин вошёл в главную комнату, рассердился:

— Вернись сюда!

— Дедушка, я стою здесь, дверь одна, я точно не убегу. Почему дядя так спешит? Боится, что я что-то скажу?

Лю Яоцин с усмешкой посмотрел на запыхавшегося Лю Цюаньфу у двери и произнёс:

— Дядя, чего ты боишься? Я ведь не тигр, чтобы тебя съесть.

— Отец, Цин-гэр убежал с женщиной, я думаю, это дело не обойдётся просто так. Я отведу Цин-гэра в комнату, чтобы поговорить.

Увидев улыбку Лю Яоцина, Лю Цюаньфу почувствовал себя неловко, и пот выступил у него на лбу.

Он и сам пытался найти Лю Яоцина, но тот ушёл слишком рано и быстро, и догнать его было невозможно. Теперь, когда Лю Яоцин вернулся, он чувствовал себя неуверенно.

— Дядя, зачем ты хочешь меня увести? Ты боишься?

Лю Яоцин не боялся Лю Цюаньфу и подошёл к кану, глядя на старика Лю:

— Дедушка, дядя хочет выдать меня замуж за единственного сына помощника уездного начальника. Сейчас во всём уезде нет молодых парней: они либо прячутся в деревнях, либо уже рано вступили в брак. Даже семи-восьмилетних мальчиков уже рано обручили.

<http://bllate.org/book/16688/1531714>